

ББК 63.3(2)5

*Н.Ю. Сухова***Государственная политика России
в сфере высшего духовного образования
(XVIII – начало XX в.)**

Ключевые слова: Российская империя, православные духовные академии, государственная политика, реформа.

Key words: Russian Empire, orthodox ecclesiastical academies, state politics, reform.

В последние годы в состав российской образовательной системы активно включается теологическое (богословское) направление. Формы, в которых реализуется это направление, весьма разнообразны: стали привычными тесные научные и учебные контакты государственных образовательных учреждений с традиционными православными духовными академиями и семинариями, появились богословские институты и университеты, богословские факультеты и кафедры включаются непосредственно в состав государственных университетов. Каждая из этих форм, действуя в единой области науки – богословии (теологии), – имеет и свои особые задачи. Однако и интеграция теологии в государственную образовательную систему, и контакты со школами, входящими в систему церковного образования, – процессы непростые. Они ставят много вопросов, а подчас и проблем, и перед научно-образовательными центрами, и перед государственными органами. На многие из этих вопросов трудно ответить, опираясь исключительно на опыт последних лет: он слишком невелик, не систематизирован, принимаемые решения дают лишь первые результаты, по которым трудно судить об успешности самих решений. Все это побуждает с особым вниманием обратиться к российскому историческому наследию. Попечение о специализированных богословских школах – духовных академиях, семинариях, училищах – было одним из важных аспектов сотрудничества православной церкви и государства в России в синодальный период (1721–1917). Изучение государственной политики в сфере высшего духовного образования представляет интерес с точки зрения как истории духовной школы, ибо без учета «государственной составляющей» нельзя адекватно понять многие ее события и проблемы, так отношений Русской православной церкви и государства. Не менее важна эта тема с практической стороны. Ретроспективный взгляд на историю высшего духовного образования необходим для выработки способов его совершенствования в наши дни, а изучение «государственной составляющей» в развитии духовной школы поможет адекватно сочетать это совершенствование с современным правительственным образовательным курсом.

Историография вопроса, несмотря на его важность, явно недостаточна. В специальных исследованиях, посвященных образовательной политике государства, высшая духовная школа упускается из вида [1]. Полезные сведения по теме можно найти в исследованиях, посвященных государственным деятелям, имевшим отношение к духовным школам, например обер-прокурорам [2–3]. Учитывается этот аспект и в исследованиях, посвященных высшей духовной школе [4–9]. Но во всех этих работах государственная образовательная политика изучается на протяжении короткого промежутка времени – чаще всего одного царствования. Исключение составляет лишь труд П.В. Знаменского, но и он охватывает лишь XVIII в. [10]. Рассмотрение же образовательной политики государства по отношению к высшей духовной школе на протяжении длительного промежутка времени позволит сделать обобщения, не зависящие от случайностей и конкретных лиц. Период XVIII – начала XX в. – «имперский» период в истории России – позволяет делать такие обобщения, несмотря на некоторые внутренние изменения.

В изучаемый период православная духовная школа в России имела особое положение, обусловленное ее непростым историческим путем и спецификой русской культуры и просвещения. С одной стороны, православная духовно-учебная система была включена в единое научно-образовательное пространство. Ее аттестаты, дипломы, ученые степени не просто признавались всеми государственными и общественными организациями, но были государственными, ибо уставы духовных школ утверждались императором и имели силу государственного закона. Выпускники духовной школы служили не только в духовной и духовно-учебной сферах, но и в образовательных, научных, государственных учреждениях разных профилей, имея при этом возможности служебного роста, равные с выпускниками университетов. С другой стороны, православные духовные школы составляли особую систему, находившуюся в ведении высшего церковного управления.

В рамках статьи невозможно рассмотреть даже основные вехи истории высшей духовной школы России, поэтому основное внимание будет обращено на «ключевые» моменты этой истории: издание принципиально важных указов, разработку проектов, реформы духовных академий. В этих событиях наиболее ярко проявлялась специфика церковно-государственных отношений в духовно-учебной сфере.

До начала XVIII в. понятие «духовное образование» было весьма условным, ибо с самого начала христианского просвещения Руси любые формы образования были неразрывно связаны с Церковью, Священным Писанием, богослужебными книгами. Но серьезного богословского образования, как и систематического образования в целом, не было. В XVII в. это ощущалось как проблема, которую необходимо решать. Если в Малороссии эту проблему пытались решать церковные деятели (учреждение братских школ, просветительские реформы митрополита Петра Могилы), то в Великороссии дело образования стало общим для церковной и государственной власти. Но попытки учреждения в Москве высших школ, предпринятые в 1630–1680-е гг. – а для этого призывались то ученые греки, то киевские ученые иноки – не привели к успеху. Создавались и отечественные проекты. Наиболее значительный из этих проектов, составленный по велению царя Федора Алексеевича, представлял Академию с обширными обязанностями: учебными, научными, цензурными, полемическими, справными [11–12]. Но и этот проект не был реализован. Жизнеспособной оказалась школа, основанная в 1685 г. братьями Лихудами, но в ней уровень образования понизился после изгнания из столицы учителей-организаторов [10, с. 10]. Школы Малороссии, прежде всего Киевская, преобразованная митрополитом Петром Могилой в 1632–1634 гг. в коллегию, оказались более активными. Последняя, по словам ее историографа, на рубеже XVII–XVIII вв. была сосредоточием «всей богословской учености», но при этом оставалась общеобразовательной школой, была всеобщей, не преследуя конкретной цели приготовления юношества «в надежду священства» [13, с. 123, 172].

Таким образом, к началу XVIII в. ситуацию в образовательной области можно определить тремя чертами: 1) отсутствие серьезного систематического образования в целом и богословского в частности, уже осознаваемое как насущная проблема; 2) единство образовательного процесса в существующих в России школах, как по составу предметов, так и по трудоустройству выпускников; 3) совместное попечение об этих школах церковной и высшей государственной власти.

XVIII в. стал эпохой становления российского образования. Составляемые в начале XVIII в. проекты развития образования в России так же, как и раньше, ориентировались на единую школу, включавшую все существующие к тому времени науки. Систематизация этих проектов позволяет выделить два основных варианта: 1) европейский вариант университета с тремя факультетами – богословским, медицинским и юридическим (примером может служить проект 1710-х гг. Г.В. Лейбница, составленный по просьбе Петра I) [14, с. 343–344; 15]; 2) универсальное учебное заведение,

соединяющее богословие и все прочие науки в единый образовательный процесс под попечением Церкви (примером может служить анонимный проект отечественного автора 1715 г. «Академии политики») [14, с. 242]. Оба варианта совпадали в принципе единства образовательной системы, но различались в руководстве – светском или церковном.

Параллельно с теоретической разработкой «школы будущего» шел процесс учреждения школ в епархиях. При этом государственная власть в лице императора Петра I активно влияла и на выбор типа школ, и на их развитие. Выбор был сделан в пользу киевской школы – копии с латино-польского образца: возрастающая череда дисциплин, преимущественно словесно-философских, венчаемая богословием. Преподавание велось на единственном языке науки того времени – латинском. Императором был сделан «призыв» киевских ученых иноков, многие из которых были поставлены на великороссийские архиерейские кафедры [10, с. 23–30; 20]. После кончины патриарха Адриана по воле императора местоблюстителем патриаршего престола был поставлен выпускник той же Киевской коллегии митрополит Стефан (Яворский). На этих архиереев возлагались просветительские надежды в трех направлениях: образование духовных ставленников, катехизация паствы и разрешение возникающих богословских вопросов. За первые два десятилетия XVIII в. были учреждены школы в Чернигове, Ростове, Тобольске, Новгороде, Переяславле-Рязанском, Коломне, Туле, Орле [10, с. 23–45]. Все они представляли собой «усеченные» копии с Киевской коллегии, реализуемой с учетом местных епархиальных возможностей. Епархиальные школы оставались на этом этапе общесословными, поэтому забота о них государя не может быть названа собственно попечением о духовном образовании, ибо лежала в русле общего стремления к просвещению.

Однако уже к концу Петровской эпохи духовное образование и богословская наука были выделены в особую составляющую. Духовный регламент 1721 г., который был составлен по воле и при активном участии Петра, наметил грань между специальным церковным и светским образованием – по принципу управления. Первое подчинялось церковной власти, епархиальной или высшей, хотя и сохраняло общее попечение государственной власти. В Регламенте был сформулирован ряд важных положений, во многом определивших дальнейшее развитие духовного образования. Так, были предложены две формы духовных школ: местная, для непосредственных нужд епархии, и особая, общецерковного значения [16, с. 38]. Местная подчинялась епархиальному архиерею, школа же общецерковного значения (академия) должна была находиться на государевом иждивении, но подчиняться высшей церковной власти (Духовной коллегии). Выпускники академии должны были представляться

церковной власти и императору и определяться, согласно своим способностям и знаниям, на высшие должности, как церковные, так и государственные. Но подобная академия так и не была учреждена, а старые академии – Киевская и Московская – оставались в епархиальном ведении, хотя и с финансовой поддержкой со стороны государства.

В последующие десятилетия в России было заложено основание светской научно-образовательной системы. Потребности крепнувшего бюрократического государства, развивавшегося промышленного производства, экономики в целом делали необходимой подготовку специалистов разного профиля, и идея целостного образовательного комплекса под попечением церковной власти была оставлена. Тем более, подготовка специалистов и развитие фундаментальной науки подразумевали использование на первых порах иностранных ученых разной конфессиональной принадлежности. Академия наук и художеств, учрежденная в 1724 г., и основанный при ней университет не имели богословских отделений [17]. Учрежденный через тридцать лет, в 1755 г., Московский университет также не включил в свою структуру богословского факультета [18]. Но это не означало отказ государства поддерживать богословское образование. Напротив, именно в это время государственная власть обращала особое внимание на развитие научного и учебного богословия. Но основу корпораций Академии наук и университета на раннем этапе составляли иностранные иноконфессиональные профессора. Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, хотело оградить православное богословское образование от инославных влияний и предпочло стимулировать его самостоятельное развитие под попечением Русской православной церкви.

Императорскими указами четырем духовным школам был дарован статус академий: в 1701 г. – Московской славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской [19; 20, с. 411], в 1797 г. – Петербургской и Казанской [21]. Указы императоров, начиная с Петра, стимулировали организацию духовного образования на епархиальном уровне. Императорские указы запрещали допускать детей духовенства к церковным должностям или к каким-либо «чинам гражданской службы», кроме «солдатского», пока не пройдут хотя бы одной ступени специальной духовной школы [22–29]. Неоднократно появлялось желание снабдить епархиальные школы постоянными штатными окладами, хотя этот процесс затянулся. С 1718 г. штатное содержание имела лишь Московская славяно-греко-латинская академия, с 1738 г. – Новгородская и Александровская семинарии. Следует отметить, что даже в период царствования Анны Иоанновны, когда отношения государственной власти к церковным институтам нельзя было назвать хорошими, предпри-

нимались неоднократные попытки наладить централизованное финансовое обеспечение духовных школ. Разумеется, это было связано не только с заботой о школах, как таковых, но и с желанием государственной власти поставить под свой контроль распределение церковных средств. Но несомненна и попытка поставить духовные школы в более тесные отношения с высшей государственной властью. В 1765 г., после окончательной секуляризации церковных имений в великороссийских епархиях, штатные оклады получили все великороссийские семинарии, а в 1786–1788 гг., после проведения секуляризации церковных земель в малороссийских епархиях, – семинарии юго-западных епархий [10, с. 476–487; 30, с. 73; 31, с. 184–187; 32, с. 354]. Однако при этом духовные школы лишились средств от епархиальных монастырей и вотчин, пожертвованных на сами духовные школы, т.е. были поставлены в прямую зависимость от государственного содержания. Установленные оклады не удовлетворяли всех нужд духовных школ, и правительство, неоднократно увеличивая их вплоть до реформы 1808–1814 гг., так и не смогло удовлетворительно решить эту задачу. Отчасти проблема смягчалась личными пожертвованиями императоров и императриц в пользу конкретных духовных школ [10, с. 481–484, 631].

Укрепляясь, имперская система пыталась включить в себя духовную школу более плотно: провести частичную централизацию духовных школ и установить обязательную духовную или государственную службу для выпускников [10, с. 588–600; 33]. Каждый раз, когда государство обращало внимание на нравственность народа, оно начинало более активно заниматься улучшением пастырского образования: увеличивать число семинарий и штаты на их содержание, расширять курсы общеобразовательных предметов, следить за регулярным чтением воспитанников. Повышение образовательного уровня в духовных школах обычно проводилось двумя способами. Первый – распространение на духовные школы учебных методов и пособий, разработанных в государственной системе образования [30, с. 162–163]. Второй – императорское задание архиереям, наиболее сведущим в образовании: выработать особые способы развития церковного образования [34, с. 268; 35, с. 300–317; 36, с. 766].

Императоры – особенно Петр I и Екатерина II, желая решать образовательную проблему системно, инициировали составление перспективных проектов развития в России системы духовного образования. В этих поисках можно выделить два основных направления: построение единой духовно-учебной системы, сохраняющей самостоятельность, или соединение духовного образования со светским. Так, например, проекты 1760–1770-х гг. предлагали следующие варианты: 1) построение целостной духовно-учебной системы во главе с Духовным университетом под

руководством церковной власти [34, с. 268–323; 37, с. 487–488]; 2) введение богословского факультета в Московском университете, под общеуниверситетским управлением, но с сохранением епархиальных школ для подготовки пастырей [34, с. 30–39; 38, 43–44]; 3) учреждение особого богословского факультета при университете, но с церковным управлением, т.е. подчинением Синоду [30, с. 66–67; 35, с. 300–317; 36, с. 766–779]. Последний проект составлялся целенаправленно: в 1765 г. по личному указу Екатерины II 14 духовных воспитанников были посланы в заграничные университеты для подготовки к профессорским должностям. Этот проект наиболее полно выражал мнение высших церковных лиц того времени о сочетании церковных и государственных усилий в деле духовного образования и богословской науки.

Желание дать высшей духовной школе университетский статус или присоединить в качестве факультета к существующему университету свидетельствовало о том, что не только церковная, но и государственная власть ставили перед духовной школой особые задачи. Развитие богословской науки, подготовка духовенства и миссионеров интересовали и государство, поэтому оно готово было поддерживать и финансировать богословие наравне с иными отраслями знания [14, с. 115, 348; 39, с. 43; 40, с. 148]. Однако сохранение богословской школы в подчинении Синода свидетельствовало о понимании государственной властью важности во всех этих вопросах церковного руководства. Нереализованность всех этих проектов подтверждает сложность вопроса и некоторую неопределенность в политике государства по отношению к духовной школе.

Первой серьезной духовно-учебной реформой, последовательно разработанной и проведенной, была реформа 1808–1814 гг. В результате этой реформы в России была создана целостная духовно-учебная система с четырьмя ступенями, и духовные академии составили ее высшую ступень. Все школы конкретной ступени действовали теперь согласно единому уставу, довольно подробно регламентирующему все стороны деятельности [41]. На примере этой реформы можно проследить, с одной стороны, естественное участие в подготовке реформы епископата и ректоров духовных школ, с другой стороны, императора, обер-прокурора и других государственных лиц.

Реформа началась с вопроса о желательных преобразованиях, заданного архиереям «академических» городов. В своих ответах преосвященные должны были учесть мнения ректоров своих академий. Запрос посылался от имени первоприсутствующего члена Синода – столичного митрополита Амвросия (Подобедова). Когда же по его указанию викарный епископ Евгений (Болховитинов) составил начальный проект реформы, этот проект был представлен императору. После получения его одобрения и положительного

отзыва Святейшего Синода проект был разослан на отзыв некоторым архиереям, прежде всего опять же – «академических» городов. Затем указом императора от 29 ноября 1807 г. был учрежден особый Комитет «о усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства» [42; 43, с. 75–92]. Показателен состав Комитета: два архиерея (митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) и епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов)), два представителя высшего белого духовенства (императорский духовник протопресвитер Сергей Краснопевков и обер-священник военного духовенства Иоанн Державин), два представителя бюрократического аппарата (обер-прокурор Святейшего Синода кн. А.Н. Голицын и статс-секретарь М.М. Сперанский) [44, л. 1]. При этом наиболее активным членом коллектива был М.М. Сперанский – выходец из духовного сословия и выпускник духовной школы. Следует отметить еще один немаловажный момент. Общим направлением проводимая реформа соответствовала реформе светского образования, проведенной в 1802–1804 гг.: строгая централизация, объединение школ в учебные округа, выделение в учебной системе последовательных и соподчиненных ступеней.

Комитет настоял на автономности духовно-учебной системы: свое управление, своя общеобразовательная подготовка, своя система подготовки преподавателей. Такая обособленность духовной школы в документах Комитета объяснялась, во-первых, особенностью изучаемых здесь наук, «духовному званию нужных», требующих особого настроя и воспитания; во-вторых, уже сложившейся исторически замкнутостью духовного сословия и необходимостью давать льготное образование детям этого сословия. Однако в планы Комитета вовсе не входило усиливать замкнутость духовного сословия: хотя в ведении низших духовных училищ состояли все дети священно- и церковнослужителей, и родители обязаны были дать им определенный уровень образования, у выпускников семинарий и академий была возможность уволиться в гражданскую службу. В заседаниях Комитета особо было отмечено, что «когда все сие будет устроено к приведению в действие, тогда разрешать детям священно- и церковнослужителей избирать и другие состояния» [44, л. 2, 55–59]. Такое устройство осложнило деятельность высшей духовной школы, ибо она должна была готовить преподавателей по всем предметам для всей духовной школы, и сделать акцент на богословской специализации было сложно.

По замыслам Комитета, каждая окружная академия должна была представлять из себя не только учебное заведение, но и Академию наук, которой уделен особый вид просвещения – «ученость, сколь можно более приспособленная к наукам богословским» [44, л. 59–60]. Таким образом, в России появились две параллельные научно-образовательные системы, со

своим собственным управлением, иерархическим соподчинением и преемством ступеней. Однако они не были разделены непроницаемой стеной, ибо было взаимное признание аттестатов, дипломов, ученых степеней и предполагалась принципиальная возможность обмена выпускниками и преподавателями. Но на практике осуществлять последнее было довольно сложно.

Еще одним достижением реформы начала XIX в. было дарование преподавателям и выпускникам духовных школ прав, связанных с учебными должностями и учеными степенями. В этих правах преподаватели и выпускники духовных школ были равны с преподавателями и выпускниками университетов, причем это был достаточно высокий уровень признания того значения, которое имела учебно-ученая сфера в жизни государства. В России тех лет чрезвычайную важность имело место в чиновной лестнице. Обладатели ученой степени кандидата, которую получало большинство выпускников духовных академий, получали X чин, магистра – IX, доктора – VIII [42].

Несмотря на принципиальное изменение финансовой ситуации по сравнению с XVIII в., денежная недостаточность оставалась постоянной составляющей духовно-учебного дела, и это приходилось учитывать на каждом этапе реформы и в дальнейшем, при обсуждении новых идей по совершенствованию учебного процесса [44, л. 45–46]. Следует отметить и то, что при каждой реформе вставал вопрос о финансовой помощи государства, и эта помощь, если она предоставлялась, оказывала существенное влияние на ход реформы.

Высшая духовная школа, построенная в начале XIX в., развивалась, претерпевая немалые сложности. Текущие проблемы решались по ходу дела, при более серьезных проблемах, которые не удавалось решить локальными мерами, вставал вопрос о новых реформах. Внутренние проблемы духовно-учебной жизни болезненнее всего ощущались, конечно, практиками – преподавателями духовных академий, ими же формулировались. Но для начала реформы нужна была внешняя по отношению к академиям сила, и в синодальный период такой силой выступало государство.

Высшая духовная школа после выделения в особую ступень претерпела три реформы (в 1869, 1884 и 1910–1911 гг.) [45–47]. Кроме того, дважды – в 1905–1906 и 1917 г. – вводились временные правила, корректирующие действующий устав [48–49]. В процессе разработки и проведения духовно-академических реформ второй половины XIX в. (1869 и 1884 гг.) был отлажен механизм, в котором сочетались вклады в дело представителей Церкви и государства. Церковь участвовала в этих реформах в лице Святейшего Синода, представителей епископата и корпораций самих академий. Государство – в лице императора,

обер-прокурора Синода и представителей университетского образования.

Император утверждал начало реформы, т.е. учреждение при Синоде особого комитета для разработки проекта нового Устава академий, а также окончательный вариант нового Устава. Последнее особенно важно, ибо утвержденный императором Устав получал силу государственного закона. Однако следует иметь в виду, что окончательный вариант проекта, который подавался императору, обсуждал и утверждал Синод. Если Синод при этом чтении вносил в проект поправки, иногда очень существенные, то император чаще всего утверждал представленный вариант без изменений.

Иногда император высказывал свои особые пожелания к разрабатываемой реформе. Так, например, при разработке реформы 1869 г. Александр II высказал через обер-прокурора гр. Д.А. Толстого пожелание: не делать из академий университетских факультетов, а «сохранить их самостоятельность» [50, с. 418–419]. Пожелание становится понятным, если учесть дискуссии 1860-х гг., в которых неоднократно высказывалось пожелание присоединить академии к университетам в виде богословского факультета. Причина, приведенная императором, была не учебная, а воспитательная: за университетами нельзя иметь наблюдение с нравственной точки зрения, а в академиях должно быть обращено особое внимание на эту сторону. В 1909 г. Николай II также высказал пожелание к характеру проведения реформы духовных академий: «Устав разработать непременно в церковном направлении» [51, л. 1].

Несмотря на то, что в 1905 г. появился новый орган власти – Государственная дума, – церковная власть подавала проект нового Устава духовных академий (в 1910 г.) и поправки к нему (в 1911 г.) на утверждение непосредственно императору. Для этого пришлось воспользоваться каникулами Государственной думы и статьями 87 и 65 Конституции, позволяющими такой шаг во время каникул Думы [52–53]. В этой ситуации Святейший Синод и обер-прокурор – в первом случае С.М. Лукьянов, во втором В.К. Саблер – действовали согласно, и император остался единственной государственной властью, придавшей духовно-учебным документам законодательную силу.

Роль обер-прокурора в духовно-учебных преобразованиях возрастала от реформы к реформе. Принципиальное усиление власти обер-прокурора совершилось усилиями двух лиц – гр. Н.А. Протасова и гр. Д.А. Толстого. Первому удалось таким образом преобразовать бюрократические органы при Синоде, что и духовно-учебное управление было поставлено в сильнейшую зависимость от обер-прокурора [54, с. 276–284]. Следующее преобразование центрального духовно-учебного органа, проведенное при участии обер-прокурора гр. Д.А. Толстого, привело к учреж-

дению Учебного комитета. Этот орган был более компетентен (в него входили лица с высшим духовным образованием), но его связь с Синодом осуществлял тот же обер-прокурор [54, с. 284–295]. В результате обер-прокурор стал важной, а часто и определяющей фигурой в проведении духовно-учебных реформ. Именно он становился тем центром, который, соединяя запросы и усилия государства и Церкви, инициировал то или иное преобразование духовной школы, стимулировал его проведение, а также влиял определенным образом на состав лиц, привлекаемых к разработке проектов реформ [55, л. 1, 125–125об., 133–134; 156–157, 310–312, 316, 360–360об.].

Интересно, что два обер-прокурора – кн. А.Н. Голицын (1802–1817) и гр. Д.А. Толстой (1865–1880) – занимали одновременно и пост министра народного просвещения. Это соединение подчеркивало единство просветительской сферы в Российской империи и ставило вопрос о еще большем ее единении. Однако, несмотря на то, что князь Голицын стал в результате главой двойного министерства, соединившего духовные дела и народное просвещение, самостоятельность духовно-учебной системы была сохранена.

Последний из значительных обер-прокуроров синодальной эпохи – К.П. Победоносцев (1880–1905) – хотя и не инициировал структурных изменений духовно-учебного управления, значительно повысил статус обер-прокурорской деятельности в этой сфере. Именно при К.П. Победоносцеве внешняя сторона проводимых духовно-учебных реформ оказалась в полной зависимости от его инициативы, начиная от сбора мнений и составления проектов и кончая утверждением нового Устава Синодом и императором [56, л. 1–1об., 7, 162]. Однако и в этой ситуации представители духовных академий могли не только высказать, но и провести в жизнь свои идеи и понимание проблем высшего духовного образования.

Привлечение представителей светского образования к реформам высшей духовной школы носило необязательный и фрагментарный характер. Но официальное включение этих лиц в состав комитетов, разрабатывающих проекты духовно-учебных реформ, утверждалось императором. Поэтому сами избираемые личности и аргументация их привлечения дают дополнительную характеристику государственной политики в области высшего духовного образования. При разработке реформы 1869 г., когда доминирующей тенденцией было приближение духовной школы к светской, появилось естественное желание использовать опыт проведения реформы университетов 1863 г. В комитет, составляющий официальный проект духовно-академической реформы, были включены два представителя университетской системы (член Ученого комитета при Министерстве народного просвещения А.Д. Галахов и профессор столичного университета И.Е. Андреев-

ский) [55, л. 133–134, 139]. При разработке реформы духовных академий 1884 г. «бунтующие» университеты были плохим примером, без таковых обошлись [56, л. 4–6]. При разработке реформы 1910–1911 гг. в комитет, составлявший официальный проект реформы, был приглашен академик А.И. Соболевский, бывший одновременно преподавателем университета и духовной академии [51, л. 1]. Включение в процесс разработки реформ высшей духовной школы светских ученых и преподавателей позволяло вводить некоторые элементы университетского образования – особенно заметно это было в реформе 1869 г. – и решать таким образом проблемы организации научно-учебного процесса в академиях. Так реформой 1869 г. были введены элементы, новые для высшей духовной школы, но уже привычные для российских университетов: факультетское строение, специально-практические занятия, система приват-доцентуры, реально действующая система научной аттестации, соответствие должностного положения ученой степени, диссертации *pro venia legendi* [45]. Но в этих заимствованиях таилась и опасность: если вводимые идеи были недостаточно четко осмыслены, критически оценены и адаптированы к духовно-академической действительности, то они приводили к серьезным проблемам или отторгались. Так, например, введение факультетского деления внутри духовной академии имело обратную сторону – потерю целостности единой высшей богословской школы, поэтому и было отклонено. Не прижилась в академиях и система приват-доцентуры, хотя ее введение в академиях отошло от привычных университетских норм. Все эти положения были отменены последующими уставами [46–47].

Таким образом, все важнейшие преобразования духовной школы России в XVIII – начале XX в. были совместными деяниями Церкви и государства. На протяжении всего синодального периода в политике государства проявлялись две тенденции: с одной стороны, стремление теснейшим образом включить духовную школу в государственную научно-образовательную систему и распространить на нее лучшие достижения и методы в сфере образования, с другой, желание сохранить самостоятельность духовной школы и ее особые принципы.

Государство, заинтересованное в полноценном развитии духовной школы и плодотворности ее деятельности, считало своей непосредственной обязанностью стимулировать этот процесс. Значение государственной поддержки в духовно-учебных реформах проявлялось довольно ярко. Эта поддержка позволяла решать проблемы, в частности, финансовые и организационные, которыми сложно было заниматься церковным деятелям. Привлечение к духовно-учебным реформам представителей государственного образования способствовало более эффективному использованию в духовно-учебной области лучших

достижений светской образовательной системы. Активная поддержка государством духовной школы и заинтересованность в ее успехах гарантировали более плодотворное использование выпускников. Совместные деяния в духовно-учебной сфере требовали взаимного понимания и доверия, а также желания способствовать повышению компетентности друг друга в обсуждаемых проблемах.

Однако это тесное сотрудничество имело потенциальную опасность, которая в истории духовной школы нередко актуализировалась и приводила к серьезным проблемам. Граница, оберегающая самостоятельность церковной жизни, была чрезвычайно важна в духовном образовании, требующем сохранения конфессиональной ориентации и традиции, особого воспитания. При этом верность традиции – «идентичность» – не означала неизменности учебных принципов, методов, неприятия новых достижений научно-образовательной системы или отстраненности от тех или иных изменений в государстве и

обществе. Но особое назначение высшей духовной школы не позволяло механически переносить на эту область принципы деятельности высшей светской школы. Поэтому развитие духовного образования требовало специального обсуждения и тщательно продуманных действий со стороны государства. Специфика духовного образования была осознаваема высшей властью и государственными деятелями как принцип, но практическая реализация этого понимания требовала постоянных усилий. Государственным деятелям, принимавшим участие в духовном просвещении, не всегда удавалось соблюсти границу «невмешательства» в духовно-учебные дела. Активное включение государственной власти в проблемы духовной школы было обусловлено в значительной степени спецификой синодальной эпохи, теснейшим образом соединившей Церковь с империей, государством. Тем не менее, и в иных условиях этот опыт может быть использован с учетом исторической и ситуационной специфики.

Библиографический список

1. Кукушкина, Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Г.В. Кукушкина. – Екатеринбург, 2003.
2. Simon, G. Konstantin Petrovic Pobedonoscev und die Kirchenpolitik bes Heiligen Sinjd / G. Simon. – Göttingen, 1969.
3. Полунов, А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III / А.Ю. Полунов. – М., 1996.
4. Петров, Н.И. Киевская академия в царствование Екатерины II (1762–1796) / Н.И. Петров // Труды Киевской духовной академии. – 1906. – №7.
5. Прилежаев, Е.М. Царствование Александра I в истории русской духовной школы / Е.М. Прилежаев. – СПб., 1878.
6. Знаменский, П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I / П.В. Знаменский. – Казань, 1878.
7. Вишленкова, Е.А. Духовная школа России первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Казань, 1998.
8. Дьяконов, К.П. Духовные школы в царствование императора Николая I / К.П. Дьяконов. – Сергиев Посад, 1907.
9. Тарасова, В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века / В.А. Тарасова. – М., 2005.
10. Знаменский, П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – СПб., 2001.
11. Прилежаев, Е.М. Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII в. / Е.М. Прилежаев // Странник. – 1881. – №1.
12. Певницкий, В.Ф. Симеон Полоцкий / В.Ф. Певницкий // Православное обозрение. – 1860. – №10–11.
13. Макарий (Булгаков), иером. История Киевской духовной академии / иером. Макарий (Булгаков). – СПб., 1843.
14. Петров, Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и устав 1804 года / Ф.А. Петров. – М., 2002.
15. Герье, В.И. Отношение Лейбница к России и Петру Великому / В.И. Герье. – СПб., 1871.
16. Духовный регламент. – СПб., 1722.
17. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собрание первое. – Т. VII. – №4443. – СПб., 1830.
18. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. XIV. – №10346. – СПб., 1830.
19. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. IV. – №1870. – СПб., 1830.
20. Харлампович, К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К.В. Харлампович. – Казань, 1914. – Т. 1.
21. Высочайше утвержденный указ от 18 декабря 1797 г. // ПСЗ. – Собрание первое. – Т. XXIV. – №18273. – СПб., 1830.
22. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. IV. – №2186. – СПб., 1830.
23. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. IV. – №2308. – СПб., 1830.
24. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. IV. – №2352. – СПб., 1830.
25. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. V. – №3171. – СПб., 1830.
26. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. V. – №3175. – СПб., 1830.
27. ПСЗ. – Собрание первое. – Т. V. – №3182. – СПб., 1830.
28. Пекарский, П.П. Наука и литература при Петре Великом / П.П. Пекарский. – СПб., 1862. – Т. I.
29. Сулоцкий, А. Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский / А. Сулоцкий // Временник общества истории и древностей российских. – 1854. – Кн. XX.
30. Чистович, И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии / И.А. Чистович. – СПб., 1857.
31. Солнцев П., прот. Очерк истории Харьковского коллегиума / прот. П. Солнцев // Харьковские епархиальные ведомости. – 1873. – №4.

32. Аскоченский, В.И. Киев с древнейшим его училищем – Академией / В.И. Аскоченский. – Киев, 1856. – Ч. 2.
33. Высочайше утвержденный указ от 31 октября 1798 г. // ПСЗ. – Собрание первое. – Т. XXV. – №18726. – СПб., 1830.
34. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / сост. С. Рождественский. – СПб., 1910. – Т. 1.
35. Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. – 1873. – Т. VI (XLIV). – №11.
36. Титлинов, Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени / Б.В. Титлинов. – Пг., 1916.
37. Петров, Н.И. Киевская академия в царствование Екатерины II (1762–1796) / Н.И. Петров // Труды Киевской духовной академии. – 1906. – №7.
38. Петров, Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете / Ф.А. Петров. – М., 1997.
39. Место, наукам посвященное. Из истории Московского университета. – М., 1995.
40. Сухова, Н.Ю. Дискуссии о типе высшей богословской школы в России в XIX – начале XX в. / Н.Ю. Сухова // Международное образование: итоги и перспективы : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею Центра международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова. 2004 г. – М., 2005. – Т. 3.
41. Устав православных духовных училищ, Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // ПСЗ. – Собрание первое. – Т. XXXII. – №25673.
42. Материалы к истории духовно-учебных реформ 1808–1814 // Странник. – 1889. – №8–9.
43. Глубоковский, Н.Н. Начало организованной духовной школы: Комитет о усовершенствовании духовных училищ / Н.Н. Глубоковский // Богословский вестник. – 1917. – №6–7.
44. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 17. – Д. 1.
45. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 30 мая 1869 г. // ПСЗ. – Собрание второе. – Т. XLIV. – №47154.
46. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. // ПСЗ. – Собрание третье. – Т. IV. – №2160.
47. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. // ПСЗ. – Собрание третье. – Т. XXX. – №33274.
48. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 186 (отд. 1., ст. 2). – Д. 486.
49. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 11 (1917 г.). – Д. 78.
50. Горский А.В., прот. Неизданные места из «Дневника» / прот. А.В. Горский // Богословский вестник. – 1914. – №10–11.
51. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 16. – Д. 194.
52. ПСЗ. – Собрание третье. – Т. XXX. №35704.
53. ПСЗ. – Собрание третье. – Т. XXXI. №35802.
54. Сухова, Н.Ю. История центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России 1807–1918 гг. / Н.Ю. Сухова // Вестник архивиста. – 2001. – №6 (66).
55. РГИА. – Ф. 797. – Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). – Д. 1.
56. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 162 (отд. 1, ст. 3). – Д. 734.